

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Василию Белову

В угоре, над темным елушником и пихтачом, высилась громадная, далеко видная сосна, а на ней токовал мошник ? глухарь, тоже огромный и старый. Токовал он без вешнего удалства и азарта, должно быть, потому, что был стар, одинок и никто не раззадоривал его. Соперников на току уже не осталось, и капалухи не клохтали. Уцелел один этот осторожный токовик. Был он как генерал без войска, и оттого пелось ему невесело, пелось лишь по причине вечного зова таежной жизни, уже начавшей стряхивать с себя зимнюю спячку. А еще пощелкивал глухарь реденько, не входя в забытье и опьянение, потому, что доносилось до него снизу, от речки, чуть слышное, украдчивое похрустывание наста. Может, на речке лед крошит, может, шишки с ельников по угору катятся, а может, и другое что? Всякое может быть. С сосны видно на много верст. Каждый бугор видно, каждую вырубку, даже водокачку на далекой станции видно, даже солнце, еще только чуть подсветившее завалы дальних гор и вовсе еще незаметное снизу, видно. Как суетливо петляет речка Разлюляиха ? видно. Пока еще льдом смиренная речка. Серебристая снеговица тонко течет по ней, затопляя в излучинах ольшаники и черемушники так, что местами уж на озерины похожи сделались излучины. Там, где речка, располовинив косогор и полукружную луговину, впадает в Кынт, ? темную заберегу видно, а на косогоре деревенька лениво трубами дымит. Все с сосны видно, кроме того, что делается под нею, в густолапых зарослях. Расхлестали люди ток. Рыси, хорьки да лисы тоже не зевали, хватали на земле одуревших от любви птиц. Но такая древняя и верная привязанность глухарей к месту любви, что и гибнут они тут, а бросить его, забыть не могут. Вот потому и поет упрямо старикашка токовик, ждет ответной песни. На вырубках булькнули и зарыпели косачи, распалая себя. Но ему они неинтересны, ему глухарей надо, капалуху надо. ? Тэк-тэк-тэк! Чиру-чуру-чир... ? задумчиво струит мошник с сосны и как бы ненароком укорачивает песню, чуть раньше перестает точить. Внизу, в елушниках, шурхнуло по насту и замерло. Шито-крыто! В гущине такой сохатый пройдет ? не заметишь. Услышать, может, и услышишь, но не заметишь. Глухарь опасно насторожился. Застыл на одной ноге и тоже окаменел человек в елушниках, даже дыхание приглушил. Это ? Митяй. Он крадется к токовику от речки, сквозь беспросветный еще лапник ищет Митяй глазами глухаря, но темнотворь только еще, только кончилась, и видна лишь вершина сосны, будто подрезанная светлой кромкой неба. Дерево недвижно. Вроде серого облака на небе. Косачи на вырубках, птицы мелкие по угорам и по речке поют все дружней и громче, раскачивая лес, пробуждая землю, охваченную коркой наста. Утро идет. Звонкое утро, и Митяй знает, верит, что не утерпеть старому глухарю ? все равно он запоет. Надо только ждать. Набраться терпения и ждать. Место это, угор этот с сосною, Переволокою зовется. Почему "переволока"? ? тужится отгадать Митяй. Никак он этого в толк не возьмет ? чтоб через такой угорище чего-нибудь или кого-нибудь переволакивали? Есть же низины, лога, пашни и сенокосы к речке стекают? Попробуй разбери никодимовскую бестолочь! "Хоть и говорят про моих земляков-вятичей, будто они корову на баню тащили, чтоб она там траву съела, ? так это зря. Вот про никодимовских такое аккурат. Эти могут... Чего же глухарь-то? Неуж учуял?" Митяй неловко стоит, раздумывает, а раздумывая, слушает. ? Тэк! Тэк-тэк... Чиру-чуру-чир!.. "Ага! Вот он, дождался!.. Терпение да труд все перетрут!" Когда глухарь чуру запросил, Митяй сел па хрусткий снег и проворно стянул с себя кирзовые сапоги. Он

остался в носках из козьей шерсти, надетых поверх портянок. "Ничего, ? рассудил Митяй, ? не барин какой, до десяти лет, почитай, босиком.. Правда, утренник крепковат, однако терпение и труд.." Мошник снова защелкал и заточил, Митяй сделал два прыжка, неожиданно широких для его коротких ног, медленно выдохнул и опять огляделся. В лесу развиднялось. За спиной пожелтело небо. Сосну, величественно-седую от изморози, высветило почти уже до елового подлеска, сделалось видно глухаря. Свесив крылья, растопорщив хвост, он грузно потанцовывал на красноватом суку. Вниз сыпалась белая пыльца и серебристо искрилась в тени пихт и ельников. Ствол сосны все раскалялся, краснел под зарю, а глухарь все еще перебирал мохнатыми лапами, ровно бы жгло ему их или он отаптывал себе место для ночлега. Но вот он растопорщился еще шире, вытянул на зарю разом вздувшуюся шею, запел, будто покатал в горле камешек. Митяй четко, словно по команде, выполнил два прыжка. Глухарь делал еще длинные перемолчки, и до выстрела было далеко. Надо еще полянку перескочить. Небольшая полянка, прогальчик в ельниках, но все же место открытое, и может накрыться охота из-за этого прогальчика. Такая уж штука охота, в ней как в самой жизни, то на дурика удача валит, то из-под носа все уходит. "За два приема, пожалуй, не одолеть кулижку, ? прикидывает Митяй. ? Были бы они, ноги, как ноги, а то никакого в них ускорения". Но досада Митяя мимоходна, неосновательна. Эти вот кривые, короткие ноги, именно они, помогли ему в свое время, и как еще помогли! Было дело ? смех и грех! На комиссии в районе разболочся, прихватил грешешко рукой и пошел по ряду врачей за голыми, рябью покрывшимися парнями. Холодина была в клубе не меньше, почитай, чем в сегодняшний утренник, потому что комиссия в выходной для клуба день проводилась и помещение, само собой, не отапливалось. Посинелый, косоногий, с реденькими волосишками на груди, Митяй похож был на непотрошеную курицу первого сорта, что завозятся на реализацию невесты из каких бескормных земель в отдаленные от центра российские города. Такой вид Митяя вызывал разное отношение на комиссии. У пожилых врачей ? сочувствие, у майора из военкомата ? недовольство, а у пухленькой регистраторши с егозистым кругленьким задком, завлекательно поглядывающей на майора, ? насмешку. ? Экий ты нескладный, призывник, ? не то сочувствуя, не то досадуя, сказал серьезный доктор в поварском колпаке, прикладывая холодную трубку к груди Митяя. ? Где же ее, статью, выгулять? ? в паузе между "дышать" и "не дышать" буркнул Митяй. ? На очистках? На мерзлой картошке?! В войну рос. ? Митяй деликатно отворачивался, чтоб дурным духом изо рта не оглушить интеллигентного человека. А сам косился на регистраторшу, сохраняя на лице вид горестного достоинства: "Попалась бы в лесу или на гумне, так поглядели б, кто смеяться, а кто плакать зачал! Я б тебе салазки-те загнул.." В это время, с досады должно быть, доктор так завез по коленке Митяя деревянным молотком, что нога взлягнула до стола. ? Идите одеваться! ? махнул доктор рукой. Митяй по жесту такому и по голосу доктора догадался, что он непригодный, однако радости не выказал и хмуро, даже с недовольством натягивал на себя одежку. Вспоминая, Митяй не забывал о глухаре, вовремя делал перебежки и замечал все изменения в окружающей местности. В лесу все больше и больше появлялось светлых проточин. На небе смело полутемь в одну сторону, за сосну, совсем уж темного мало оставалось. Но за сосною все еще светилась пригоршня звезд, вяло, удаленно, на последнем накале. Глухаря скрыло краткой тенью, и он громче защелкал, захорохорился. На вырубках за речкою светло было, широко гомонили там птицы разные и совсем уж охмелело шипели друг на друга и ярились косачи. В душе Митяя стало тесно, и от волнения или еще от чего ему тоже

захотелось заплясать или заорать. Когда внизу ровно дверь в работающую землечерпалку распахнулась ? это заговорила речка Разлюляиха, промыв рыхлый лед, ? Митяй так заслушался и забылся, что пропустил одну, а может, и две перебежки. За сосною обиженно моргнула и погасла последняя звезда. Голубым, вешним светом залило звезду, будто снеговицей; залило небо, сосну и глухаря. Перья его отливали синевою, как неостуженный металл. Внутри старой птицы, должно быть, тоже сделалось горячо, раскалилось все в нем, и токовик растопорщился весь, нащелкивал, словно в молодые свои годы, забыв обо всем на свете. Митяй сглотнул слюну, и его неудержимо потянуло ринуться к сосне, вдарить под брюхо охмелелого бородача. С остановившимся от счастья сердцем замереть и услышать, как, ломая ветки и клубя сбитое перо, повалится глухарина и грузно, будто куль с овсом, бухнется на продох, под сосну, начнет громко биться, рассыпая капли крови по зеленому брусничнику, темный, краснобровый, с белой пылью изморози, пристывшей к сведенным лапам. Но Митяй умеет свои чувства и нервы укрощать. Взгляд даже умеет прятать ? вдруг делается его взгляд туманным, полусонным, а рот Митяя откроется. Ну туха и туха! Очень любили его за эту особенность ребята с землечерпалки, хотя сами тоже были артисты ой-е-ей какие!.. "Где-то они сейчас, дорогие мои кореша? ? опечалился Митяй. ? Эх. пожилы! Дружно, весело и ни от какой гниды не зависели! Нету, видно, вечного счастья на земле..." Прыжок! Второй! Остановка! "Да-а, умели ценить ребятишки человека со способностями!" Понимали, что не могли Митяй полудурком прикидываться, так, может, и пропал бы давно. Вкалывал бы на вятской ниве, пока лапти не откинул, потому что в его колхозе работники ? бабье, ребятишки да солдаты с еще далекой, турецкой войны. Такая жизнь в вятских деревнях пошла после войны, что наладили люди кто куда. Митяй почему держался? Потому держался, что при правлении колхоза осел. Еще в войну, парнишкой, он при разных председателях вроде конюха, кучера и сторожа состоял ? за конем смотрел, возил начальство куда надо, печку топил в помещении, пол даже мыл ? ничем не брезговал, подноравливал. Зато жалицу не ел, с очисток да с мерзлой картошки не опухал. На комиссии тогда он подзагнул, конечно. А что? Навытяжку стоять? Не-е. Надоело ему навытяжку. Перед колхозным начальством довольно навытягивался. Когда думы Митяя касались родного села, раннего его вступления на трудовой путь, то скорбь или обида разбирали его. Пока в селе жил, с ним этого не происходило, потому что привык ко всему, что было вокруг, и казалось, везде так люди живут ? много работают и мало едят. Потом он убедился, что тут же, на его же земле, где рос он и "служил" при правлении колхоза, где усваивал хорошие слова о том, что кто не работает, тот не ест, здравствуют люди, которые норовят всем своим поведением повернуть эти слова наоборот. Село его родное отдалено от железной дороги и городов. Тут торгом и на дурика не проживешь. Тут люди всегда работали на земле, кормились от земли, с колхозного трудодня и иного своего назначения, иных распорядков не знали. Они хотели одного, чтоб было как прежде, еще при мужиках, побитых на фронте, чтоб за труд платили хлебом, деньгами, уважением, чтоб не забывали, что баба ? тоже человек, и коль уж доля ей такая сошлась ? доживать век без хозяина, трудиться за него и за себя, то не обделяли бы ее куском в будни да веселой чаркой не обносили в праздники... Много ль ей, бабе, и надо-то? Вон взять мать Митяеву. Она в назьме работала, при свиньях, обутая в лапти. Лапти чинить некому. Отвыкли от лаптей. Кочедыки порастеряли. Митяй долго собирался купить матери валенки с галошами, да гулеванил все ? не сходилось у него на валенки. Но как-то купил все же. Хорошие валенки, серые, и галоши те, что нужны на свинарнике, глубокие,

шахтерские. Мать надела их? Завернула в тряпку и убрала в сундук до праздника. "Новые-те валенки в свинарник? Да ты опупел! Свиньи захохочут! Экая, скажут, барыня!.." Одна сейчас мать, одинешенька. Горько ей. И Митяю горько. Особенно от тех слов, которые сказала ему мать во время свидания в тюрьме: "Ладно, хоть пожил весело. И свет повидашь хоть..." Страшно Митяю сделалось тогда, жутко даже. Все эти годы забыть не мог он выражения отрешенности на лице матери и пустоты в голосе, будто сделалось внутри ее дупло и из этого дупла шел подточенный жизнью голос. "Однако студено, ? корчится Митяй, осторожно переступая с ноги на ногу. ? Но джисто еще". Да-а, будь изъян какой, либо болезнь в ногах ? сумел бы вот так-то? Лежал бы на печке, и тараканы б в нем дыры точили. А он вот босиком почти, а все равно доберется до этого бородатого токовика. Поляну б ему только проскочить, там уже считай ? птица в котле. "Светаает все же скоро весной", ? с недовольством отмечает Митяй и прислушивается. Дрозды заливаются, перепархивают по рябинникам. С осени еще остались на рябинах кисти. Вон снег весь усыпало морщинистой красноватой ягодой. Внизу у речки рябки заверещали. "Надо будет парочку прихватить Оленке-дочке. Любит она птичку. Косточки станет обглаживать и хрумкать. Пусть зубастая будет, не как мамочка ее, Зиночка, которую небось только ленивый и не лапал. Лапни попробуй дочку ? куснет!" Прыг-скок ? и Митяй дальше думает о дочке Оленке, о жизни. Как она, жизнь эта, устроена интересно. Вроде бы уже совсем край, гибель неминуемая, а потом опять выровняется и все в ней ладом течет. Вот тогда, в пятьдесят пятом это было, загребли его вместе с председателем колхоза, каким по счету ? Митяй уж и не ведал. За раздачу справок и распыление сельскохозяйственных кадров, за разбазаривание сенокосных угодий, за обмен леса на натуру, за многое кое-чего. Список в обвинительном заключении длинный был, и возражать нечего. "Признаете?" ? "Признаю". Председателю ? десять. Бухгалтеру ? семь. А тебе, Митяй, как пособнику, ? пять. "И на том спасибо". Митяю говорили до суда ? больше отвалят. Учили, должно быть, что несудим, что в подчинении опять же: скажут ? вези то-то. Везет то-то. Скажут: доставь то-то. Доставляет то-то. Не сигнализировал о недостойном поведении руководителей? Поди сигнализируй, гражданин судья и гражданин прокурор в суконной форме. Только перед этим поживите лет десять в селе моем, на военной пайке-голодайке, и в лопоти военного периода в школу побегайте, в десять лет мешки мужицкие потаскайте на себе, за дровами в Волчью падь поездите вечером, в стужу (днем-то лошади заняты), да на мать посмотрите, как она... А после этого всего ? в тепло вас, на сытое житье и на удовольствие от жизни разное. Пять лет! Чтоб так пожить, как пожил он, иные б и на десять согласились. Подумаешь, пять лет! Он пропал за эти пять лет? Дошел? Затерялся? Он сразу умом своим дошел, что придурков в колонии трудовой и без него довольно. Профессора по этой части, а может, и академики даже есть. Что нужно было противопоставить им? Чем исправить печальный факт жизни? Он знал чем ? и на лесоповале показывал чудеса трудовой доблести. В пример ставили Митяя, кашу дополнительную давали и освободили на два года раньше. Почему? Да потому, что мозга в его башке имеется, потому, что он вырос в трудовой семье, у трудовой матери, и не по своей воле, а по нужде начал путь жизни с прислужничества, с пособничества вору. В их родове он первый, кто по судам да по колониям, ? это тоже понять надо. Раз! Два! Три! Перескочил Митяй, качнулся и чуть было не свалился, запнувшись о валежину, на которой вытаял и свежо зеленел брусничник. Глухарь чего-то умолк. Времени. Выжидает. Впереди, в подлеске, просвет угадывается, белыми полосами пустое просвечивает. Только б Митяю кулижку ту проскочить да глухаря уторкать, а остальное все

ерунда на постном масле. Не он первый и не он последний в этом мире запутался. Главное сейчас ? полянку проскочить. По ней, по полянке этой, скоро подснежник пойдет беленький, потом трава. Как-то в год победы, весной, ездил он в район зачем-то. На кошевке ездил, как чин какой! На обратном пути подснежников набрал. Вечером ко Ксюхе явился. С цветами за пазухой. Отдал. Вручил. Ревела она. Нюхала и ревела. "Эх, Ксюха! Ксюха! Состарела небось, усохла? Чего тебе тот детный путеобходчик, за которого ты вышла после войны, чтоб от села навозного да колхозного избавиться? Да ты таких путевых обходчиков пятерых умаешь и после еще костыли на всей путе молотком забьешь! Такая в тебе сила! Страшная сила! Дети от тебя были бы здоровые, черноглазые. Эх, Ксюха, Ксюха! Сколько баб и девок знавал, но вот тебя, как присуху, забыть не могу. Жену свою, по разрядке Богом спущенную, Зинку, обойму, а об тебе мысль. Неужто любовь промеж нас была?.." Бродит Митяй думами по жизни своей, точно по лесу. Перескакивает, как по угору этому, и то на елки, то на палки натывается, а то и о колодину запнется. Просвет в его жизни так же, как на угоре этом, ? единственный и величиной с кулижку, в два прыжка которую одолеть можно. ...Четырнадцать ему было, пятнадцатый шел, когда Ксюха Сюркаина, году с мужиком не прожившая из-за войны, завлекла его к себе, напоила самогонкой и баушки с собой положила. Ярая молодайка Ксюха! Дикая! То орет, бывало: "Уйди, рахит косопузый! Обрыд ты мне! Ненавижу я тебя и себя!" То опять гладит, ровно теленка, милует... Ну, он потом послал куда надо Ксюху, сообразил, что не одна баба на свете и какое ни есть утешенье каждой требуется. А Ксюху послал потому, как возможности никакой не стало: ревнует, шумит, дерется с бабами, волосья пластает. "И-э-э-эх, делов было!" ? трясет головой Митяй. Мать, правда, здорово ругалась, баб кляла, испортили, говорит, потаскушки, мальчишку, изгадили. Но потом и сама, видно, рукой махнула на все. В тюрьме вон какие слова ему сказала: пожил, дескать. Оно и правда, пито было, едено. Удовольствия всякого было. А вон старший его брат, Емельян, восемнадцати лет на войну ушел. Он бабу-то во сне только и видел небось. Не погулял, не понаряжался... Может, об Емельяне думала мать, когда говорила Митяю такие свои слова... После очередного перескока Митяй стянул сначала один носок, потом другой, потер руками ноги. Но руки тоже отерпли от ружья. "Лучше уж про жизнь думать ? сразу жарко делается", ? усмехнулся Митяй сам над собой. Не поехал в родное село Митяй после колонии. На Кынте задержался, возле Никодимовки. В ту нору решение из совнархоза вышло ? сделать Кынт судоходным до города Кынтовска. Раньше еще, при царе Горохе, когда люди без штанов ходили, плоты, говорят, по Кынту гоняли, железо и всякий груз плавил. А потом затащило Кынт. Надо было скопать отмели, перекаты, камешник и в баржах свезти на глыбь. На одну из землечерпалок и поступил Митяй в качестве разнорабочего. Работали на ней четверо ребят, освобожденных из его же колонии, и поэтому вроде родни они ему оказались. А остальные ? вербованные. Народ! В каких они палестинах побывали! Какие приключения извели! Митяй, слушая их, поражался обширности земли и разнообразию человеческой жизни. Они, эти ребята, как-то весело все делали, играючи. За пять лет, которые греблась землечерпалка возле Никодимовки, они вывели в ямах рыбу взрычаткой, спалили лес на ближней гриве, мимоходом сделали десяток-полтора ребятишек никодимовским и другим встречным женщинам. И ток этот глухаринный, между прочим, они же распотрошили. Мошника-токовика им шибко хотелось уговорить, да он не дался... Впереди на поляне послышался хруст, и в мыслях Митяя получился сбой. Он напрягся слухом. Что-то шуршало на поляне, сламывались под чьей-то мягкой поступью козырьки наста, доносилось протяжное, будто стариковское, сопенье. "Неуж кто

крадется с другой стороны?! ? от такой догадки все нутро Митяя ровно бы перцем обожгло. ? Не дам! В крайности, отсюда пальну!.." Все скоро утихло, и Митяй тоже постепенно успокоился. Однако глухарь, вытянув шею, беспокойно пялился вниз, перья на нем опадали, как темная пена, и он убывал на глазах, ровно мяч, из которого утекал воздух. "Рысь, верно, чует", ? подумал Митяй и на всякий случай поднял курки. "Если рысь набредет ? ударю. Шкурку к Оленкиной кровати постелю, чтоб на холодный пол не ступало дитя. Лезет шкурка сейчас. Но ничего. Зверя этого запрету бить нет. Вредный этот зверь, хищник". Митяй пошевелил пальцами в носках. Живы пальцы. Но если еще ждать... Глухарь опять взъерошился: затоптался мешковато, по всему видно ? собирался защелкать. Митяй осторожно наступил на лапу пихты, высвободившуюся из-под снега, ? все не так ноги жечь будет ? и направил свои думы в старое русло. Несколько лет перегребали они землечерпалкой перекаты возле Никодимовки, но вперед не продвигались, потому как за лето они увезут на баржах камень с перекатов в ямы, а весной льдом снова припрет землю, камешник и наделает мели. На зиму Митяя оставляли сторожить землечерпалку. Сподвижников его в область отзывали, работать на ремзаводе, ? у каждого из них было нагуляно от четырех до семи необходимых государству профессий. Они могли слесарить, токарить, монтажниками быть, плотниками, электросварщиками ? они все умели, а Митяй ? только плоское катать и круглое таскать. Вырыл Митяй землянку в продырявленном стрижами яру, с окном на устье Разлюляихи, где покоилась отбитая мысом от быстрого Кынта землечерпалка, ловил ершей из-под льда, помогал в деревне кому кадку починить, кому крышу покрыть, кому дров напилить. За это ему доплата к основному жалованью шла в виде харчей и душевного отношения селян, и особенности вдовых женщин, которых Митяй научен был жалеть еще с детства. Совсем уже бедолажным бабам делал он работу за так ? не корыстовался на чужой беде. Такая вот мелкая работа и свела его с брошенкой Зинкой. Жених ее, Коля, поехал добровольно поднимать целину. И поднял! Слух дошел ? жена его из городских красавиц, волос высотным этажом носит. Все бы это ничего, да Зинка от целинника Коли осталась в интересном положении, боялась, что отец зашибет ее, хоть и однорук. Отец Зинки, Корней Ваньшев, ? человек серьезный, на войне руку потерял, а нынче при колхозе пчеловод и член правления артели. Подумал, подумал Митяй на досуге, в землянке своей, и решил, что пролетарью терять нечего, кроме цепей, да и взял грех целинника Коли на себя. Родилась девочка Оленка. Чего-то там в сроках не совпадало, ну да кто нынче, в век науки, обращает внимание на такую мелочь? Зинкина мать, Ваньшиха, поспешила назвать Оленку недоноском. А девочка и впрямь что недоносок ? хила, блекла, ноги колесом. На этом основании Ваньшиха всем радостно твердила, что девочка ? вылитый папа, Митяй. Переживала Зинка из-за своего целинника Коли, и терзания души ее в утробу перекинулись, на ребенке изъяном отозвались. В общем-то Митяю такая девочка даже больше к душе пришлось ? жалость вызывала в нем, самому ему непонятную. Привязался Митяй к девочке, а с Зинкой как было, так и осталось: она о целиннике своем тоскует, а он о Ксюхе. И может быть, не столько уж о Ксюхе, сколько о развеселой, юной поре, о родной вятской деревеньке, подле тихой речки стоящей, лаптями пахнувшей, жалицей и лопухами заросшей и все же своей, единственной на свете... Глухарь что-то не поет? Опять вниз пялится, опять шею вытянул, а уж совсем ободняло. Ноги аж до стону ломит. Может, плюнуть на все и бросить этого бородача? Пусть живет. Но тут Митяй вспомнил, как еще в начале марта ездил он к Переволоке за дровами и нашел здесь наброды глухаринные. И с тех самых пор, с марта, значит, сердце Митяя сладко посасывало в предчувствии песни глухаринной, выстрела и тугого, душу

радующего, удара о землю.. Митяй для проверки тихонько швыркнул носом ? не заложило ли? Нет, ничего ? свищет. "Подожу еще. А там уж, если что, пальну из обоих дул, чтоб громом тут все поразразило!" Митяй весь дрожал от нервности или от студености утра и земли. Он снова, большим уже усилием, усмирив свой бунт, заставил думать о себе ? это успокаивало его и настраивало на жалостно-сочувствующий лад к себе, к своей жизни, к Оленке, которая любит его больше, чем мать. Видно, отчужденность Зинки, ее длинную, изнуряющую тоску по тому, чего уже возвратиться не могло, чувствовал ребенок. В том году, как подбортнулся Митяй к Зинке и перетащил рюкзак свой из землянки в нормальный дом тестя Ваньшева, работы на Кынте были прекращены. Еще целую зиму Митяю шла караульщицкая зарплата, потом и ее перестали слать. Однако Митяй добровольно удозоривал землечерпалку, не давал ее растаскивать, надеясь, что еще понадобится и он, и землечерпалка, и снова он будет при настоящем деле и с хорошим коллективом. Тесть сначала намекивал, потом приступил к Митяю с требованием ? перетащить с беспризорной землечерпалки шланги, ремни, лампочки, инструмент и все, что поценнее. Митяй молчком увиливал, а когда уж тесть совсем его припер, изобразил из себя того человека, которого и хотел бы иметь в зятях Ваньшев, то есть покорного, осознавшего свое недостойное прошлое. ? Я, папа, учен, крепко учен, ? скромно заявил он тестю, и тому крыть стало нечем, и он похвалил даже Митяя за такое примерное поведение. Но когда по большой воде пришел пароходишко, собрал три землечерпалки сверху и, прихватив по пути четвертую, Митяеву, ушел, не сказав Митяю ни спасибо, ни наплевать, тесть язву свою болючую открыл все же: "Ну что, зятек, какую премию вырешат тебе за сбережение социалистической собственности?" Прослужив при многих председателях на побегушках, изведав в колонии всякого, Митяй научился молчать. Он снес издевку тестя. Он даже не напился, а вот убежать от блажной Зинки, от хозяйственного тестя ему захотелось. Как землечерпалку увели и надежд никаких не осталось, тесть походатайствовал за Митяя и помог ему устроиться поближе к технике, на колхозный паром, а зимой Ваньшев при хозяйстве держал Митяя. Угадывая смятение в душе зятя, тягу его к другой жизни, тесть Ваньшев всячески поощрял радения Митяя к хозяйству и говорил, свойски подмигивая: ? Тесть любит честь! Зять любит взять! Кхе-кхе, помрем мы со старухой ? все вам останется. ? Чувствовалось большое сожаление тестя Ваньшева о том, что нажитое хитрым его умом и трудом добро достанется такому бросовому человечешке, как Митяй. "Да на кой мне нужно твое хозяйство? ? хотелось заорать Митяю на тестя, который был еще не стар и умирать не собирался. ? У меня сроду, как у латыша, ? хрен да душа! Романтик я! Мне на Сахалин охота. Рыбу косяками ловить, по птичьим базарам палить, чтобы жажнул, так сыпались!.." "Чтоб не как здесь ? все утро к глухарю крадусь, а он, стервоза, вроде тестя Ваньшева, куражится: то поет, то резину тянет! Обезножеешь из-за него, ирода!.." Вдруг зажмурился Митяй ? так его полоснуло по глазам выкатившимся из-за леса солнцем. Понял Митяй, что теперь ждать нечего. Плюнул с досады и пошел к сосне напропалую, даже наперевес ружье, ? чтоб, если птица полетит, успеть ударить ее на лету, встречу. Митяй выбежал на полянку, до которой так долго хотел добраться, увидел, как приосел на лапы глухарь, готовый пружинисто оттолкнуться и слететь, хотел уж вскинуть ружье к плечу, но внезапно почувствовал, что кто-то еще тут есть рядом. Он напряженно повернул голову и сразу забыл обо всем на свете. Шагах от него в трех, не далее, сидел на проталинке худой, мосластый медведь. Стомленный дремою, он пьяно пошатывался. Шерсть на нем вся свалаялась, один бок заиндевел, ? должно быть, подтекло в берлоге и выжило на рассвете хозяина. Глаза у

медведя были бессмысленно-сонны, как у новорожденного младенца, когти длинные, безжизненно-белые. Митяй не мог оторвать глаз от этих невыносимо длинных, загнутых когтей. Сколько он стоял, глядя на эти когти, когда и как он хватил с поляны, куда делся мошник-глухарь? слетел или на сосне остался, сколько времени он мчался домой, каким путем? Митяй не помнил. В дом он ворвался, все еще держа ружье наперевес. На ногах его от козых носков остались одни манжеты, и ноги все были изрезаны стеклом наста, телогрейка изорвана о сучки, и лицо все исцарапано. Ваньшиха отпаивала Митяя святой водой, тесть Ваньшев водкой с перцем отпаивал, насмехаясь и тем насыщая постоянную свою неприязнь к зятю. Повеселилась Никодимовка и заречные две деревни, прослышав о том, как Митяй из лесу тяга давал. Тесть Ваньшев не поленился, разукрасил происшествие. Не без подначки он все посылал Митяя за сапогами в лес, но тот отмалчивался и в лес не шел. Однако так получилось, что сапоги эти сами его нашли. Летом двое кынтовских рыбаков спускались с удочками по Разлюляхе и возле Переволоки варили чай. В елушниках они ломали сучки и обнаружили кирзовые сапоги, замытые до белесости дождями и покоробленные жаром. Харюзятники прихватили сапоги с собой и вечером, переправляясь через Кынт, рассказали про них паромщику. Он признал сапоги своими, в доказательство поведав историю о весенней охоте на току. Вдоволь посмеялись городские рыбаки, слушая Митяя, а он оглядел сапоги, возвращенные ему, и, определив, что носить их еще можно, если хорошо смазать, однако поллитру ставить за них смысла уже нет, неожиданно спросил: ? Вы, ребята, не из сорнавхоза, случайно? ? Случайно не из сорнавхоза, ? улыбнулись в ответ горожане. ? А что? ? Да ничего, так, ? вздохнул Митяй. ? Мне бы оттуда кого увидеть, о деле одном важнеем поговорить. Что же за дело у него такое и не могут ли они чем быть полезны? ? поинтересовались городские рыбаки. ? Не-е, тут дело государственное. Тут надо с лицами ответственными толковать. ? И, помолчав, с важностью прибавил: ? Об реке Кынте высказать мысль хотел. Копать ее надо, судоходство проводить. Выгода от этого будет. Людям, государству опять же. Харюзятники оказались из газеты, сказали, что Кынт, как местная проблема, снят с повестки дня, что железная дорога вполне справляется с грузоперевозками, а ради прогулок копать реку ? дорогое удовольствие. И еще городские намекнули, будто бы и совнархозы аннулировать должны, так что с просьбой ему подаваться некуда. Митяй совсем приуныл после такого разговора. Долго стоял он, облокотясь на перила парома, и глядел на мальков, суетящихся в воде. Матом покрыл он собравшихся на другом берегу мужиков и баб, которые требовали парому и недоумевали ? на что это уставился непутевый никодимовский паромщик, чего он в воде узрел? И какое такое право имеет он крыть их с верхней полки? А Митяй ничего в воде не видел, точнее, видел мулек, водоросли, но не осмысливал, чего зрил. Он думал о матери своей. Письмо от нее пришло. Домой она его звала. Нутром своим материнским и земляным чуяла, видно, что жизнь у Митяя идет неладно. Никогда он не писал ей, с кем живет, как живет, а она вот... налаживается, пишет, жизнь на селе, съезжаются обратно под родную крышу люди, и ему будя по свету колесить. "налаживается?! Это кто как понимает. Сняла дырявые лапти, свинарник починили, ситцевый платок на премию дали, за трудодни жита и деньжонок маленько ? вот уже и налаживается..." Сам про себя вон все время твердит: "Уж пожил так пожил смолоду!" А что пожил? С голоду не подох? Самогонку, брагу и разную дрянь хлестал до блевотины? С бабами непутными и несчастными спал?.. Однако ж не звала его домой мать прежде. Сколько постановлений и решений разных об улучшении колхозной жизни печаталось, а она не звала, не хотела худа сыну. Паром, или Митяев агрегат, как его с насмешкой звал тесть Ваньшев,

зацепленный быстрым течением, катился по Кынту к другому берегу. Навалившись на кормовое весло, глядел Митяй на деревеньку Никодимовку, бестолково раскиданную по осыпистому, крутому берегу, и тупое, гнетущее раздражение разрасталось в нем. Раньше село размещалось в устье Разлюляихи, на приволье, в лугах, и называлось по-другому. Но появился высланный из Кынтовска расстрига-поп Никодимка и поперек миру срубил избышку на косогоре, отдельно от людей. А те не захотели, видать, в тоске и кручине оставлять батюшку, потянулись с домами один по одному на крутой, каменистый берег, где ни воды, ни травы? тощие кусты да бурьян колючий. Пашни наверху, за деревней. С пашен тех иногда чуть больше семян собирают, а чаще и не жнут вовсе, скот осенью загоняют в хлеба эти, где колосок от колоска? не слышно голоса. Надо бы сеять там, где прежде сеяли, в устье Разлюляихи. Но давно уже на полях этих исполу косит траву ОРС сплавной конторы? пол-укоса берет себе, пол-укоса колхозу отдает. Удобство! Ничего не делай и сено получай! За рекою, во второй и в третьей бригаде, от восхода до захода люди бьются, артельные ж прибыли все на одном уровне? нету их. Зато никодимовцы живут припеваючи. Железная дорога от Никодимовки в восьми верстах, а через пять станций город. Ваньшиха на парниках работала до появления внучки, так понятия не имела сдавать первые огурцы в кладовую колхоза, как свои, на рынок гнала. Поди учти, сколько в парниках зародышей и сколько пустоцвету! Вместо мамы Зинка теперь на парниках. Ее уж было отстранить хотели, но тесть Ваньшев такую оскорбленность высказал, так грозился написать в верха, что махнули люди рукой, отступились. Тесть Ваньшев на людях держится рачителем артельного хозяйства, а дома насмехается надо всеми. В рассуждении такие подлые иной раз пустится, что морду ему набить хочется. "Нам бы, по нашим трудам да землям, при проклятом прошлом после Рождества уж зубы на полку класть пришлось. А нынче другой оборот! Нынче нам спашут, сборонят, яичко спекут, да и облупят..." "И чем же ты лучше кулаков, которых твой покойный отец зорил?" ? негодовал Митяй. Шибко ему обидно было за колхозников из второй и третьей заречных бригад, которые батрачили на его тестя и на таких, как он, приспособивших себе колхоз. Митяй опасался, что не сдюжит и как-нибудь подпалит все хозяйство тестя, с разоренных кулацких дворов натасканное покойным его отцом, с рынка наторгованное, с колхоза высосанное самим тестем Ваньшевым. "Уеду! ? стонал Митяй. ? Оленку вот только жалко. А если забрать ее в ночное время? У азиатов досе невест похищают. В газетах читал. А тут ребятенок. Ее и искать-то не станут. Пошумит тесть для порядка, и все. Мать вон домой зовет. Она добрая у меня, трудовая. Любить Оленку будет. Внучка ж. Родной объявлю..." ? Э-эй, Митяй, уснул? ? Куда тя, лешева, несет? ? раздались крики. Митяй очнулся и обнаружил, что переплыл уже Кынт, но паром остановился не у сходней. Он подвел паром к сходням и, отстранившись, безучастно смотрел, как грузились на паром люди. Благодушные от выпивки и воскресенья, они привычно посмеивались над паромщиком. ? Об медведе все думаешь, Митрей? ? Штаны-то небось не отстирались ишшо-о-о? ? Другой раз Ваньшева на медведя посылай. Загрызет. ? Зинку пошли за сапогами. Она ради добра своо тигры не испугается... ? Самое Ваньшиху пошли ? не промажешь!.. ? Высчитал небось Ваньшев с тебя за сапоги-то, Митрей? ? Он с него натуроплатой возьмет. ? Правда ли, Митяй, что Ваньшев в мед сахару подмешивает для продажи? ? Скажет он, доложится... Митяй не отзывался и сонно, равнодушно наблюдал, как переходили на паром женщины, мужики, старуха с девочкой, как заводили усталого коня с пустой телегой. Конь отмахивался от слепней, бил себя хвостом по вытертым холке и репице. Синица береговая села на спину коню, клюнула что-то раз-другой в шерсти и поспешила в камни, к гнездышку.

Паром отчалил. Привычно забурлила и зашумела вода под ним. Пассажиры забыли о Митяе. Мужики были выпившие, да и женщины иные тоже. Бабенка одна, телятница из третьей бригады, обутая в красные сапожки на меху, купленные с рук на Кынтовском базаре, все норовила плясать, чтобы сапоги такие роскошные показать и какая она отчаянная ? пьяная ? показать. Но пьяной она не была, усталой была, от жары и городской базарной суетни. Ногам ее тоже, видать, жарко и тесно в непривычной обуви. Но она упрямо притопывала: Ох, мать моя, мать, Разрешите солдату дать... Шатнувшись, ухватилась телятница за перила, вытаращила глаза и, закусив бледную, потную губу, стянула сапог. ? Гвоздь, может, в нем, а, мужики? Кто гвоздь загнет? ? спрашивала она, засунув руку в сапог. Мужики все рассказывали, перебивая друг друга, как торговали сегодня на городском базаре ранней овощью и ягодой, кто из них сколько чебурахнул, и сожалели, что добавить негде ? в сельпо из-за сенокосной страды водку не завозят. Телятница влезла в круг с красным сапогом. Один из мужиков, свежестриженный под бокс, хлопнул ее по заду и подморгнул: "Дотерпи ты до берегу! Там я те все ладом справлю.." Мужики захохотали, а телятница, будто не поняв намека, снова запела: "Ох, мать моя, мать..." ? и запритопывала одной ногой босою, другой в красном сапоге. Мужики начали подсвистывать, прихлопывать, отчего телятница так разошлась, что допела срамную частушку до конца. Раскачалось весельем паром, и шума воды не слышно сделалось. Лишь старушка богомольного вида с кротким и далеким лицом, не вникая в веселье, макала желтую баранку в противопожарную бадью с водой, и, мелко и часто перебирая голыми деснами, мусолила ее. Под мышкой у старушки, как цыпленок под крылом, ютилась в беленьком ситцевом платье девочка с прямой, торчащей надо лбом челкой. Не обращая внимания ни на мужиков, ни на частушки, которые теперь сыпали наперебой телятница и мужики, девочка рассматривала картинки в цветастой красивой книжке. С радостным удивлением она тыкала в книжку пальцами и, шмыгая носом, вытягивала полные губы: "Мэухы, сыкатухы..." С берега от Никодимовки, припадая набок, катилась женщина с корзиной и, не в силах крикнуть что-либо, махала рукой парому. Митяй сначала смотрел на нее, как и на все тут сонно и безразлично. Бестолковая эта баба, должно быть, предполагала, что за нею с середины реки вернут паром. "Некогда ей. Отторговалась. Домой торопится", ? мысленно издевался Митяй над бабой. Но, ровно отрубив в себе разом что-то, он застопорил паром, навалился на весло, натужился до красноты в лице и повел его обратно. Веселая компания была занята собою и телятницей и не сразу обнаружила ? куда паром плывет и почему он повернул? Опомнились пассажиры, перестали плясать и выкрикивать частушки уж после того, как стукнулся паром о сходни и баба с корзиной, перемахнув на него, задыхливо твердила: ? Дай тебе, Митяй, Бог здоровья!.. Вот дай тебе Бог... Но Митяй не слышал пожелания ему здоровья, не слышал, как ругались мужики и один из них, активный селькор, грозился написать в районную газету. Митяй карабкался вверх по берегу, хватаясь за низенькие пихточки. Он торопился. Торопился так, будто за ним гнались, к дому с резными наличниками, с воротами, которые уже сами по себе были архитектурным сооружением, увенчанное крышей, наподобие гроба, к дому с телевизионной антенной, сделанной из железа, принесенного Митяем с землечерпалки, и одна-единственная мысль больно билась в его голове: "Похищу! Похищу! Похищу!" 1967

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды
Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения.
Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!